

1130

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY

3 1761 00277509 6

СКИЗКИ.

АРБА
ОРЕВНА.

Рисунки Н. А. Билибина.
Издание
Экспедиции заготовленной Государственных изданий

1115

Presented to the
LIBRARY of the
UNIVERSITY OF TORONTO

by

ESTATE OF THE LATE
JOHN B. C. WATKINS

Марья Моревна

LIBRARY
DEC 8 1965
UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY

PG
311.
M3
1023685

Въ иѣкоторомъ царствѣ, въ иѣкоторомъ государствѣ жилъ-былъ Иванъ-царевичъ; у него было три сестры: одна Марья-царевна, другая Ольга-царевна, третья Аниа-царевна. Отецъ и мать у нихъ померли; умирая, они сыну наказывали: „Кто первой за твоихъ сестеръ станетъ свататься, за того и отдавай — при себѣ не держи долго!“ Царевичъ похоронилъ родителей и съ горя пошелъ съ сестрами во зеленой садъ погулять. Вдругъ находитъ па небо туча черная, встаетъ гроза страшная. „Пойдемте, сестрицы, домой!“ говорить Иванъ-царевичъ. Только пришли во дворецъ, какъ грянула громъ, раздвоился потолокъ и влетѣлъ къnimъ въ горницу ясень со сколь; ударился сколь объ полъ, сдѣлался добрымъ молодцемъ и говорить: „Здравствуй, Иванъ-царевичъ! прежде я ходилъ гостемъ, а теперь пришелъ сватомъ: хочу у тебя сестрицу Марью-царевну посватать“. — „Коли любъ ты сестрицѣ, я ея не упимаю — пусть съ Богомъ идетъ!“ Марья-царевна согласилась; сколь женился и унесъ ее въ свое царство.

Дни идутъ за днями, часы бѣгутъ за часами — цѣлаго года какъ не было. Пошелъ Иванъ-царевичъ съ двумя сестрами во зеленой садъ погулять. Опять ветаетъ туча съ вихремъ, съ молией. „Пойдемте, сестрицы, домой!“ говоритъ царевичъ. Только пришли во дворецъ, какъ ударилъ громъ, распалася

И. БИЛАН № 190.

крыша, раздвоился потолокъ и влетѣлъ орелъ; ударился орелъ объ полъ и сдѣлался добрымъ молодцемъ: „Здравствуй, Иванъ-царевичъ! прежде я гостемъ ходилъ, а теперь пришелъ сватомъ“. И посваталъ Ольгу-царевну. Отвѣчаетъ Иванъ-царевичъ: „Если ты любъ Ольгѣ-царевиѣ, то пусть за тебя идетъ; я съ нея воли не снимаю“. Ольга-царевна согласилась и вышла за орла замужъ; орелъ подхватилъ ее и унесъ въ свое царство.

Прошелъ еще одинъ годъ. Говорить Иванъ-царевичъ своей младшей сестрицѣ: „Пойдемъ, во зеленомъ саду погуляемъ!“ Погуляли немножко; опять встаетъ туча съ вихремъ, съ молнией. „Вернемся, сестрица, домой!“ Вернулись домой, не успѣли сѣсть, какъ ударили громъ, раздвоился потолокъ и влетѣлъ воронъ; ударился воронъ объ полъ и сдѣлался добрымъ молодцемъ; прежніе были хороши собой, а этотъ еще лучше. „Ну, Иванъ-царевичъ! прежде я гостемъ ходилъ, а теперь пришелъ сватомъ: отдай за меня Анну-царевну“. — „Я съ сестрицы воли не снимаю; если ты полюбился ей, пусть идетъ за тебя“. Вышла за ворона Анна-царевна, и унесъ онъ ее въ свое государство.

Остался Иванъ-царевичъ одинъ; цѣлый годъ жилъ безъ сестеръ, и сдѣлалось ему скучно. „Пойду“, говорить, „искать сестрицъ“. Собрался въ дорогу, шелъ-шель и видитъ — лежитъ въ полѣ рать-сила побитая. Спрашиваетъ Иванъ-

И. БИБИЛЬ

1901.

царевичъ: „Коли есть тутъ живъ человѣкъ — озовися! кто побилъ это войско велико?“ Отозвался ему живъ человѣкъ: „Все это войско велико побила Марья Моревна, прекрасная королевна“.

Пустился Иванъ-царевичъ дальше, наѣзжалъ на шатры бѣлые, выходила къ нему навстрѣчу Марья Моревна, прекрасная королевна: „Здравствуй, царевичъ, куда тебя Богъ несетъ — по волѣ, аль по неволѣ?“ Отвѣчалъ ей Иванъ-царевичъ: „Добрые молодцы по неволѣ не єздятъ!“ „Ну, коли дѣло не къ спѣху, погости у меня въ шатрахъ“. Иванъ-царевичъ тому и радъ, двѣ ночи въ шатрахъ почевалъ, полюбился Марѣ Моревнѣ и женился на ней.

Марья Моревна, прекрасная королевна, взяла его съ собой въ свое государство; пожили они вмѣстѣ сколько-то времени, и вздумалось королевнѣ на войну собираться; покидаетъ она на Ивана-царевича все хозяйство и приказываетъ: „Вездѣ ходи, за всѣмъ присматривай; только въ этотъ чуланъ не маги заглядывать!“

Онъ не вытерпѣлъ: какъ только Марья Моревна уѣхала, тотчасъ бросился въ чуланъ, отворилъ дверь, глянулъ — а тамъ виситъ Кошѣй Безсмертной, на двѣнадцати цѣпяхъ прикованъ. Просить Кошѣй у Ивана-царевича: „Сжалься надо мной, дай мнѣ напиться! десять лѣтъ я здѣсь мучаюсь, не єлъ — не пилъ — совсѣмъ въ горлѣ пересохло!“ Царевичъ подалъ ему цѣлое ведро воды; онъ выпилъ и еще запросилъ: „Мнѣ однимъ ведромъ не залить жажды: дай еще!“ Царевичъ подалъ другое ведро; Кошѣй выпилъ и запросилъ третье, а какъ выпилъ третье ведро — взялъ свою прежнюю силу, тряхнулъ цѣпями и сразу всѣ двѣнадцать порвалъ. „Спасибо, Иванъ-царевичъ!“ сказала Кошѣй Безсмертной, „теперь тебѣ никогда не видать Марии Моревны, какъ ушай своихъ!“ и страшнымъ вихремъ вылетѣлъ въ окно, нагналъ на дорогу Марью Моревну, прекрасную королевну, подхватилъ ее и унесъ къ себѣ.

А Иванъ-царевичъ горько-горько запласалъ, снарядился и пошелъ въ путь-дорогу: „Что ни будетъ, а разыщу Марью Моревну!“ Идетъ день, идетъ другой, на разсвѣтѣ третьяго видитъ чудесной дворецъ, у дворца дубъ стонѣтъ, на дубу ясенъ соцоль сидитъ. Слетѣлъ соцоль съ дуба, ударился оземь, обернулся добрымъ молодцемъ и закричалъ: „Ахъ, шуринъ мой любезной! какъ тебя Господь милуетъ?“ Выбѣжало Марѧ-царевна, встрѣчила Ивана-царевича радостно, стала про его здоровье разспрашивать, про свое житѣе-бытие разсказывать.

Погостили у нихъ царевичъ три дня и говорить: „Не могу у васъ гостить долго; я иду искаль жену мою, Марью Моревну, прекрасную королевну“. — „Трудно тебѣ сыскать ее“, отвѣчаетъ соцоль. „Оставь здѣсь на всякой случай свою серебряную ложку: будемъ на нес смотрѣть, про тебя вспоминать“. Иванъ-царевичъ оставилъ у соцоля свою серебряную ложку и пошелъ въ дорогу.

Шелъ онъ день, шелъ другой, на разсвѣтѣ третьяго видитъ дворецъ, еще лучше первого, возлѣ дворца дубъ стонѣтъ, на дубу орелъ сидитъ. Слетѣлъ орелъ съ дерева, ударился оземь, обернулся добрымъ молодцемъ и закричалъ: „Бставай, Ольга-

царевна! милый нашъ братецъ идетъ". Ольга-царевна тотчасъ прибѣжала на-
встрѣчу, стала его цѣловать=обнимать, про здоровье разспрашивать, про свое
житъе=бытье разсказывать.

Иванъ-царевичъ погостили у нихъ три денька и говорить: „Дольше
гостить мнѣ некогда: я иду искаль жену мою, Марью Моревну, прекрасную
королевну“. Отвѣчаетъ орелъ: „Трудно тебѣ сыскать ее. Оставь у насъ сере-
брянную вилку: будемъ на нее смотрѣть, тебя вспоминать“. Онъ оставилъ
серебряную вилку и пошелъ въ дорогу.

День шелъ, другой шелъ, на разсвѣтѣ третьяго видитъ дворецъ, лучше
первыхъ двухъ, возлѣ дворца дубъ стоитъ, на дубу воронъ сидитъ. Слетѣль во-
ронъ съ дуба, ударился оземь, обернулся добрымъ молодцемъ и закричалъ:
„Анна-царевна! посѣрѣй выходи, нашъ братецъ идетъ“. Выбѣжала Анна-ца-
ревна, встрѣла его радостно, стала цѣловать=обнимать, про здоровье разспраши-
вать, про свое житъе=бытье разсказывать.

Иванъ-царевичъ погостили у нихъ три денька и говорить: „Прощайте!
пойду искаль—Марью Моревну, прекрасную королевну“. Отвѣчаетъ воронъ:
„Трудно тебѣ сыскать ее; оставь-ка у насъ серебряную табакерку: будемъ на
нее смотрѣть, тебя вспоминать“. Царевичъ отдалъ ему серебряную табакерку,
попрощался и пошелъ въ дорогу.

День шелъ, другой шелъ, а на третій добрался до Мары Моревны. Увидала
она своего милаго, бросилась къ нему на шею, залилась слезами и промолвила:
„Ахъ, Иванъ-царевичъ! зачѣмъ ты меня не послушался — посмотрѣль въ чуланъ
и выпустилъ Кощея Безсмертнаго?“ — „Прости, Марья Моревна! не поминай
страго, лучше поѣдемъ со мной, пока не видать Кощея Безсмертнаго; авось
не догонить!“ Собрались и уѣхали.

А Кошечъ на охотѣ былъ; къ вечеру онъ домой ворочается, подъ нимъ
доброй конь спотыкается. — „Что ты, несытая қляча, спотыкаешься? али
чуешь қакую невзгоду?“ Отвѣчаетъ конь: „Иванъ-царевичъ приходилъ, Марью
Моревну увезъ“. — „А можно ли ихъ догнать?“ — „Можно пшеницы насыть, до-
ждаться, пока она вырастетъ, сжать ее, смолотить, въ муку обратить, пять печей
хлѣба наготовить, тотъ хлѣбъ поѣсть да тогда въ догонъ ѻхать — и то поспѣемъ!“

Кошечъ поскакалъ, догналъ Ивана-царевича: „Ну“, говоритъ, „первой разъ
тебя прощаю за твою доброту, что водой меня напоилъ, и въ другой разъ
прошу, а въ третій берегись — на қуски изрублю!“ Отняль у него Марью Моревну
и увезъ, а Иванъ-царевичъ сѣль на камень и заплакалъ.

Поплакалъ=поплакалъ и опять воротился назадъ за Марьей Моревною;
Кошечъ Безсмертнаго дома не случилося. — „Поѣдемъ, Марья Моревна!“ — „Ахъ,
Иванъ-царевичъ! онъ насъ догонить“. — „Пускай догонитъ; мы хоть часокъ=
другой проведемъ вмѣстѣ“. Собрались и уѣхали.

Кошечъ Безсмертной домой возвращается, подъ нимъ доброй конь спо-
тыкается. — „Что ты, несытая қляча, спотыкаешься? али чуешь қакую невзгоду?“ —

„Иванъ-царевичъ приходилъ, Марью Моревну съ собой взялъ“. — „А можно ли догнать ихъ?“ — „Можно ячменю наесть, подождать, пока онъ вырастетъ, сжать, смолотить, пива наварить, допьяна напиться, до отвалу выспаться да тогда въ догоныѣхъ и то поспѣемъ!“

Кошѣй посѣкалъ, догналъ Ивана-царевича: „Вѣдь я ѹкъ говорилъ, что тебѣ не видать Марьи Моревны, какъ ушай своихъ!“ Отнялъ ее и увезъ къ себѣ.

Остался Иванъ-царевичъ одинъ, поплакалъ-поплакалъ и опять воротился за Марьей Моревною; на ту пору Кошѣя дома не случилося. „Поѣдемъ, Марья Моревна!“ — „Ахъ, Иванъ-царевичъ! вѣдь онъ догонитъ, тебя въ қуски изрубить“. — „Пускай изрубить! я безъ тебя жить не могу“. Собрались и поѣхали.

Кошѣй Безсмертной домой возвращается, подъ нимъ добродой конь спотыкается. „Что ты спотыкаешься? али чуешь қакую невзгоду?“ — „Иванъ-царевичъ приходилъ, Марью Моревну съ собой взялъ“.

Кошѣй посѣкалъ, догналъ Ивана-царевича, изрубилъ его въ мелкіе қуски и поклалъ въ смоленую бочку; взялъ эту бочку, скрѣпилъ желѣзными обручами и бросилъ въ синее море, а Марью Моревну къ себѣ увезъ.

Въ то самое время у зятьевъ Ивана-царевича серебро почериѣло. „Ахъ“, говорятъ они, „видно бѣда приключилася!“ Орелъ бросился на сине море, схватилъ и вытащилъ бочку на берегъ, соцокль полетѣлъ за живой водою, а воронъ за мертвою. Слетѣлись все трое въ одно мѣсто, разбили бочку, вынули қуски Ивана-царевича, перемыли и склали, какъ надобно. Воронъ брызнулъ мертвой водою — тѣло срослось, съединилося; соцокль брызнулъ живой водою — Иванъ-царевичъ вздрогнулъ, всталъ и говоритъ: „Ахъ, какъ я долго спалъ!“ — „Еще бы дольше проспалъ, если бъ не мы!“ отвѣчали зятья; „пойдемъ теперь къ намъ въ гости“. — „Нѣтъ братцы! я пойду искать Марью Моревну“.

Приходитъ къ ней и просить: „Разузнай у Кошѣя Безсмертнаго, где онъ досталь себѣ такого доброго коня?“ Вотъ Марья Моревна улучила добрую минуту и стала Кошѣя выспрашивать. Кошѣй сказалъ: „За тридевять земель, въ тридесятомъ царствѣ, за огненной рѣкою живеть баба-яга; у неї есть такая қобылица, на которой она каждои день вокругъ свѣта облетаетъ. Много у неї и другихъ славныхъ қобылицъ; я у неї три дня пастухомъ былъ, ни одной қобылицы не упустилъ, и за то баба-яга дала мнѣ одного жеребеночка“. — „Какъ же ты черезъ огненную рѣку переправился?“ — „А у меня есть такой платоцъ — какъ махну въ правую сторону три раза, сдѣлается высокой-высокой мостъ, и огонь его не достанетъ!“ Марья Моревна выслушала, пересказала все Ивану-царевичу и платоцъ унесла да ему отдала.

Иванъ-царевичъ переправился черезъ огненную рѣку и пошелъ къ бабѣ-ягѣ. Долго щелъ онъ, не пивши-не євші. Попалась ему навстрѣчу заморская птица съ малыми дѣтками. Иванъ-царевичъ говоритъ: „Сѣмъ-ка я одного цыпленочка“. „Не єши, Иванъ-царевичъ!“ проситъ заморская птица: „въ некоторое время пригожусь тебѣ“.

Пошелъ онъ дальше; видить въ лѣсу улей пчель. „Возьму-ка я“, говоритъ, „сколько-нибудь медку“. Пчелиная матка отзыается: „Не тронь моего меду, Иванъ-царевичъ! въ иѣкоторое время я тебѣ пригожусь“.

Онъ не тронулъ и пошелъ дальше; попадаетъ ему навстрѣчу лѣвица со львенкомъ. „Сѣмъ я хоть этого львенка: єсть такъ хочется, ажно тошно стало!“—„Не тронь, Иванъ-царевичъ!“ проситъ лѣвица: „въ иѣкоторое время я тебѣ пригожусь“.—„Хорошо, пусть будетъ по-твоему!“

Побрель голодной, шелъ-шелъ — стонть домъ бабы-яги, кругомъ дома двѣ-надцать шестовъ, на одиннадцати шестахъ по человѣчьей головѣ, только одинъ незанятой. „Здравствуй, бабушка!“—„Здравствуй, Иванъ-царевичъ! почто пришелъ — по своей доброй волѣ, аль по нуждѣ?“—„Пришелъ заслужить у тебя богатырскаго коня“. „Изволь, царевичъ! у меня вѣдь не годъ служить, а всего-то три дня: если упасешь моихъ қобылицъ — дамъ тебѣ богатырскаго коня, а если нѣть, то не гнѣвайся: торчать твоей головѣ на послѣднемъ шестѣ“. Иванъ-царевичъ согласился; баба-яга его на{{корнила}} = напоила и велѣла за дѣло приниматься.

Только-что выгналь онъ қобылицъ въ поле, қобылицы задрали хвосты и весь врозь по лугамъ разбѣжались; не успѣль царевичъ глазами вскинуть,

какъ онъ совсѣмъ пропали. Тутъ онъ заплакалъ = запечалился, сѣлъ на камень и заснуль. Солнышко уже на закатѣ, прилетѣла заморская птица и будить его: „Вставай, Иванъ-царевичъ! қобылицы теперь дома“. Царевичъ всталъ, воротился домой, а баба-яга и шумитъ, и кричитъ на своихъ қобылицъ: „Зачѣмъ вы домой воротились?“ — „Какъ же намъ было не воротиться? налетѣли птицы со всего свѣта, чуть на мъ глазъ не выклевали“. — „Ну, вы завтра по лугамъ не бѣгайте, а разсыпьтесь по дремучимъ лѣсамъ“.

Переспалъ ночь Иванъ-царевичъ; на утро баба-яга ему говоритъ: „Смотри царевичъ! если не упасешь қобылицъ, если хоть одну потеряешь — быть твоей буйной головушкѣ на шестѣ!“

Погнали онъ қобылицъ въ поле; тотчасъ задрали хвости и разбѣжались по дремучимъ лѣсамъ. Опять сѣлъ царевичъ на камень, плакалъ = плакалъ да и успулъ. Солнышко сѣло за лѣсъ; прибѣжало львица: „Вставай, Иванъ-царевичъ! қобылицы все собраны“. Иванъ-царевичъ всталъ и пошелъ домой; баба-яга пуще прежняго и шумитъ, и кричитъ на своихъ қобылицъ: „Зачѣмъ домой воротились?“ — „Какъ же намъ было не воротиться? наѣзжали лютые звѣри со всего свѣта, чуть насъ совсѣмъ не разорвали“. — „Ну, вы завтра забѣгите въ сине море“.

Опять переспалъ ночь Иванъ-царевичъ; на утро посылаетъ его баба-яга қобылицъ пасти: „Если не упасешь — быть твоей буйной головушкѣ на шестѣ!“

Онъ погнали қобылицъ въ поле; онъ тотчасъ задрали хвости, скрылись съ глазъ и забѣжали въ сине море: стоять въ водѣ по шею. Иванъ-царевичъ сѣлъ на камень, заплакалъ и успулъ. Солнышко за лѣсъ сѣло, прилетѣла пчелка и говоритъ: „Вставай, царевичъ! қобылицы все собраны; да какъ воротишься домой, бабѣ-ягѣ на глаза не показывайся, пойди въ конюшню и спрячься за яслями. Тамъ есть паршивой жеребенокъ — въ навозѣ валяется; ты украдь его и въ глухую полночь уходи изъ дома“. Иванъ-царевичъ всталъ, пробрался въ конюшню и улегся за яслями; баба-яга и шумитъ, и кричитъ на своихъ қобылицъ: „Зачѣмъ воротились?“ — „Какъ же намъ было не воротиться? налетѣло пчелъ видимо-невидимо со всего свѣта — и давай насъ со всѣхъ сторонъ жалить до крови!“

Баба-яга заснула, а въ самую полночь Иванъ-царевичъ укралъ у нея паршиваго жеребенка, осѣдлалъ его, сѣлъ и поскакалъ къ огненной рѣкѣ. Доѣхалъ до той рѣки, махнулъ три раза платкомъ въ правую сторону — и вдругъ, откуда ни взялся, повисъ черезъ рѣку высокой, славной мостъ. Царевичъ перѣхалъ по мосту и махнулъ платкомъ на лѣвую сторону только два раза — остался черезъ рѣку мостъ тоненькой=тоненькой.

Поутру пробудилась баба-яга — паршиваго жеребенка видомъ не видать; бросилась въ погоню: во весь духъ на желѣзной ступѣ скачетъ, пестомъ погоняетъ, помеломъ слѣдъ заметаетъ. Прискакала къ огненной рѣкѣ, взгля-

И. БИЛИБИНЪ. 1901.

нула и думаетъ: „Хорошъ мостъ!“ Поѣхала по мосту, только добралась до средины—мостъ обломился, и баба-яга чубурахъ въ рѣку: тутъ ей и лютая смерть приключилася!

Иванъ-царевичъ откорнилъ жеребенка въ зеленыхъ лугахъ; стать изъ него чудной конь. Пріѣзжаетъ царевичъ къ Марѣ Моревнѣ; она выбѣжала, бросилась къ нему на шею: „Какъ тебя Богъ воскресилъ?“—„Такъ и такъ“, говорить. „Поѣдемъ со мной“.—„Боюсь, Иванъ-царевичъ! если Кощей догонитъ, быть тебѣ опять изрублену“.—„Нѣтъ, не догонитъ! теперь у меня славной, богатырской конь, словно птица летитъ“. Сѣли они на коня и поѣхали.

Кощей Безсмертной домой ворочается, подъ нимъ конь спотыкается. „Что ты, несътая қляча, спотыкаешься? али чуешь қакую невзгоду?“—„Иванъ-царевичъ пріѣзжалъ, Марью Моревну увезъ“.—„А можно ли ихъ догнать?“—„Богъ знаетъ! теперь у Ивана-царевича конь богатырской, лучше меня“.—„Нѣтъ, не утерплю!“ говорить Кощей Безсмертной, „поѣду въ погоню“.

Долго ли, коротко ли—нагналъ онъ Ивана-царевича, соскочилъ наземь и хотѣлъ было сѣчь его острой саблею; въ тѣ поры конь Ивана-царевича ударили со всего размаху копытомъ Кощяя Безсмертнаго и размозжили ему голову, а царевичъ до концаль его палицей. Послѣ того наскатъ царевичъ груду дровъ,

развель огонь, спалилъ Кощея Безсмертнаго на кострѣ, и самой пепель его пустили по вѣтру.

Марья Моревна сѣла на Кощеева коня, а Иванъ-царевичъ на своего, и поѣхали они въ гости сперва къ ворону, потомъ къ орлу, а тамъ и къ соцолу. Куда ни пріѣдуть, всюду встречаютъ ихъ съ радостью: „Ахъ, Иванъ-царевичъ! а ужъ мы не чаяли тебя видѣть. Ну, да не даромъ же ты хлопоталъ: такой красавица, какъ Марья Моревна, во всемъ свѣтѣ поискать—другой не найти!“ Погостили они, поapiroвали и поѣхали въ свое царство; пріѣхали и стали себѣ жить—поживать, добра наживать да медоѣдъ попивать.

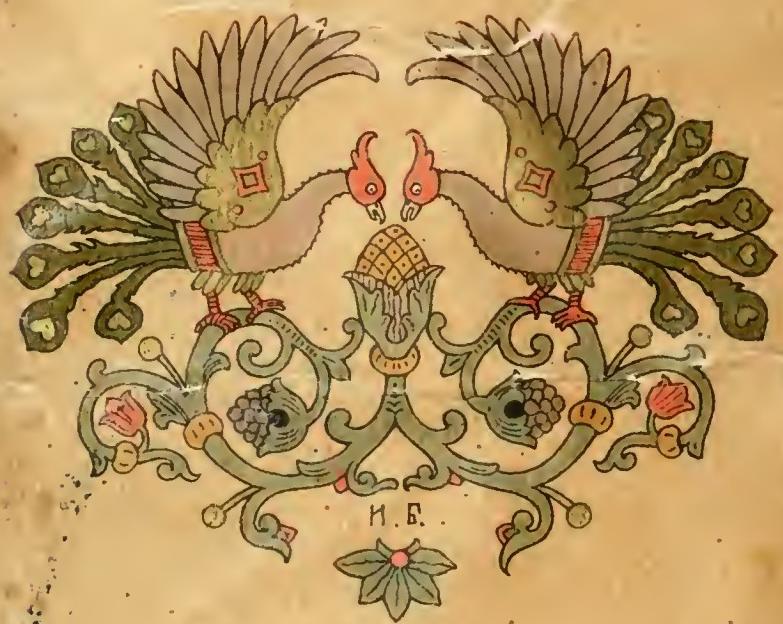
PG
3115
M3

Mar'ia Morevna

PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY

1888
М.С.Колесов
Ноу 36

Цѣнъ 75 коп.